

АНАЛИЗ КОНФЛИКТОГЕННЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ СРЕДЫ

ANALYSIS OF CONFLICTOGENIC TRANSFORMATIONS OF THE MODERN SOCIAL ENVIRONMENT

Сухоруких А.В., доктор философских наук, доцент

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный лесотехнический университет им. Г.Ф. Морозова», Россия, Воронеж

Sukhorukikh A.V., Doctor of Philosophy Sciences, associate professor

FGBOU VO «Voronezh State University of Forestry and Technologies named after G.F. Morozov», Voronezh, Russia

Аннотация: С философских и культурологических позиций в статье анализируются причины и суть конфликтогенности современного общества, даются обоснования конструктивных трансформаций социального организма.

Abstract: from philosophical and culturological positions, the article analyzes the causes and essence of the conflictogenicity of modern society, justifies constructive transformations of the social organism.

Ключевые слова: социум, агрессия, конфликт, гуманистическая культура, «цифровизация»

Keywords: society, aggression, conflict, humanistic culture, «digitalization»

Современность характеризуется чрезвычайно высоким уровнем перманентной агрессии практически во всех сферах общественной жизни: от поведенческих личностных аспектов жизнедеятельности, коммуникаций и политической риторики, до наиболее деструктивных проявлений манипуляции общественным поведением и фактов прямого экстремизма. Конфликтогенная ситуация в социуме в последние десятилетия обнаруживает не константу, а экспоненту своих проявлений, что позволяет заявить об имманентном характере наличествующих разрушительных процессов и актуализирует поиск фундаментальных причин происходящих, дестабилизирующих социальную среду трансформаций, в том числе рассмотреть вопрос о природе насилия в контексте системного гуманистического гнозиса, комплекса общечеловеческих ценностей, структурирующего приоритеты иерархии экзистенциальных и онтологических смыслов в исторической ретроспективе и футурологической перспективе.

Теоретические основания методологии социальной агрессии масштабны ввиду непреходящей актуальности темы конфликтности в обществе. За два столетия спектр исследовательских позиций весьма широк: от «конфликтной социализации» Г. Зиммеля [5] и «творческой силы конфликта» Р. Дарендорфа [4] до «анатомии социальной деструктивности» Э. Фромма [6] и феномена «дефицитарной агрессии» Г. Аммона [1], столь частой сегодня. «Восстание масс» середины XX века обосновало теории

самовоспроизводящейся в социуме агрессивности, определило ее градации (А. Басс [8]), обозначило потенциальную опасность подражания примерам агрессии (А. Бандура [2]), указало на угрозу стимулов агрессии, ее аверсивных инцидентов (Л. Берковец [3]).

Тема заслуживает и фундаментального философского осмысления. Определённо, все мы: как глобальное общество, тот или иной этно-государственный субъект или единый социальный организм, генерирующий в большей или меньшей степени целостный энергоинформационный ресурс, сегодня не в состоянии в полной мере осознать зарождающийся и усиливающийся вектор тотальной агрессии, могущий сделаться однозначно фатальным для человечества.

Важнейшей задачей в философском рассмотрении заявленной проблематики, в комплексе социокультурных, а том числе, правовых, психолого-биологических и информационно-коммуникативных аспектов, нам видится соблюдение принципа смыслосоответствия. Иными словами, необходимо проговаривать по существу, во всей неприглядности факта, все негативные проекции социальных девиаций, исключая релятивизм текущей конъюнктурной повестки, не подменяя ключевые понятия и доминирующие аксиологические категории общегуманитарного дискурса.

Прежде всего, обозначим ситуацию кризиса, который, в силу стремительно расширяющегося информационно-виртуального кластера современной эпохи, принимает фактически эйкуменический масштаб, причем это, действительно, принципиально новое явление: «цифровой мир» ставит под вопрос существование человека как биологического и социального вида, как субъекта антропо- и культурогенеза. В историко-цивилизационном контексте этому процессу, возможно, ближе всего соответствует характеристика «тёмные века», тогда как в современном дискурсе мы уже можем определить ситуацию намного масштабнее: как «сворачивание» определённой эпохи миропорядка. На наших глазах происходит деконструкция онто-культурной реальности, деградация ценностной иерархии культуры и ключевых символов цивилизационной парадигмы, и наконец, самое опасное – дегенерация, исключение из ближайшей эволюционной перспективы ментально плодотворных поколений.

В прямой пропорции происходящих процессов – возрастание энтропийных факторов, манифестирующих иррациональные векторы существования, высвобождающих колоссальную энергетику хаоса, вовлекающих в стихию нестабильности любые субъектно-целостные структуры, социокультурные или энергоинформационные единицы, будь то экологические, геотектонические, биологические, социально-культурные системы, организмы или иерархии: все они перестают быть, в категориях синергетики, «самоорганизующимися системами», и мы, по факту, уже не вправе говорить о «детерминированном хаосе», диалектически «заигрывать» с ним. Говоря языком древнегреческих трагедий, в «хаосе» начинают существовать дети «хаоса», «хаос» рождает детей «хаоса», они учатся им «управлять», это среда их существования, однако, для иного порядка вещей в Универсуме, для появления иерархии и гармонии, необходим «космос», качественно иной принцип бытия и фактор мироздания.

Основополагающее, что необходимо в «эпоху неопределённости» – это определиться, и это формат личности, глубин человеческого бытия, аспект только человеческого сознания, его «усилия быть» космосом, равновесием потенциальных сил.

Рассмотрим истоки социальных коллизий, продуцирующих имманентность агрессии как постоянного признака современной антропосферы.

Формат нашей экзистенции: от природы до социума и индивидуума в нём последовательно патологичен, – это аллегория или болезнь в медико-психиатрическом значении, но совокупное человечество предстаёт безумным во многих проявлениях. На этом этапе существования мы больше не можем рассчитывать на социальную «анестезию» толерантности, культивируя релятивизм как агрессивное снижение «человекосообразной» нормы бытия культуры и поощряя формат «расчеловечивания» до биологической репродукции, «цифровой» идентификации или кибертрансформации.

В социокультурной повестке мы проживаем эпоху «подвижных» смыслов, и наиболее «проникающее» в неё мифологическое и художественное мировоззрение в самых редуцированных формах транслирует ключевой принцип состоятельности в социальном пространстве: поощряемая конфликтность постоянной конкуренции, обязательная нормативная «презентационность» объективного статуса, унифицирующая типичность, «уходящая» в «виртуал», являющаяся при этом «симулякром», «кажимостью». Первичный росток агрессии возникает из исходного отношения к человеку как к утилитарной функции. То есть, ни в обществе в целом, ни в отдельном коллективе, ни, зачастую, в семье, ни, наконец, «в виртуале» тебя, как необусловленной данности бытия, нет – ты «никто», потенциальный аутсайдер, и если есть какой-либо твой ресурс, твоя энергия, твои компетенции, но всё это принадлежит не тебе, а «внешней», постоянно довлеющей силе: обстоятельствам, ситуации на рынке, социальной конъюнктуре, трендам, проводимой в той или иной сфере политике.

В отсутствии преемственности общечеловеческих ценностных констант (даже универсального, понятного всем, гуманистического лексикона) во «фрагментарном» пространстве культуры остаётся минимум гармонизирующих смыслов, турбулентность социальной среды возрастает до сегрегирующих, продуцирующих агрессию характеристик – она способна существовать только в «энергетике» и информационной повестке конфликта. Пространство повседневного социокультурного существования, фон жизни, стало, по сути, антигуманным, «иным», «иностраным». Агрессия настолько глубоко проникла в социальную ткань, что её провоцируют даже моральные акты, проявления миролюбия. Отсюда, в частности, новый лексикон: «радиация ненависти», «токсичные отношения» и т.д. Наиболее остро и перманентно немотивированная агрессивность выражена в конфликтах на «бытовой почве», это последняя стадия «заражения» общества «хаосом». Проследим, в частности, причины коагуляции агрессии в российской социальной среде.

В первую очередь, это распад социально ориентированного государства как структурного единства правового поля, общего культурного и образовательного пространства, единства общезначимых ценностей. Во-вторых, это последствия «латентного геноцида 90-х»: «непоправимое» имущественное расслоение, дискриминация традиционно

привилегированных социальных статусов: учитель, врач, ветеран, специалист, ученый; утрата гражданином личных возможностей на отдых, досуг, восстановление здоровья, осуществление призвания, на горизонтальную и вертикальную мобильность в социуме, потеря им правовой и экзистенциальной субъектности: «жизнь такая» и «такие законы». В-третьих, как следствие, сформировавшаяся общая тенденция выживания во враждебной среде, негласное поощрение самых низменных человеческих проявлений и качеств, быстрое развёртывание делинквентных квази-коммуникаций и проникновение во все социальные сферы, от экономики и политики до школы и быта, криминальной субкультуры и её гиперагрессивной по своей природе модели поведения.

На сегодняшний день ни одна из перечисленных деформаций социального организма не исправлена, провоцирующие агрессию патологические формы общественных взаимодействий диспропорционально велики и «законсервированы». Имущественная, а теперь и информационно-образовательная сегрегация достигла поистине кастового значения: разные социальные слои по своим возможностям находятся фактически «в различных» пространственно-временных измерениях (премиум-класс транзакций, чартерных перелётов, интерьеров проживания, безопасности, «экопоселений», «VIP-зон»). Генерация культа лидерства как культа силы, богатства и власти не просто дезавуирует традицию солидарности, но создаёт тотальный социальный невроз, манифестируя новые эквиваленты законности: понятие «силовики» стало нарицательным и угрожающим. Завершающим аккордом социальной дисгармонии становится директивность имитации социальной активности, тенденциозность рейтинга и мониторинга, норматив отчётности как индульгенции профессиональной или статусной состоятельности. Анонимность такого «порочного круга» провоцирует чреватые импульсивной агрессией шизофренические позиции практически на всех социальных уровнях в ситуации, когда «нельзя исполнить, нельзя не исполнить, нельзя обсудить» [7, Р. 95].

Наконец, в условиях колоссального роста информационных возможностей, в современном российском обществе намечается идеология нового конфликта: «цифра» предстаёт агрессивной символикой «лучшего» будущего. Как когда-то «мандатом на завтрашний день», «пропуском в коммунизм» являлась «революционная сознательность», «цифровизация» сегодня нацелена на непримиримую борьбу с любым «аналогом», и «цифровая личность» активно клеймит всё, остающееся в прошлом. По факту мы наблюдаем наиболее опасные черты усугубляющихся деструктивных трансформаций, проявленных настойчивостью новых элит к отчуждению у личности её социального поведения как такового, выдавливанием её не просто из сохраняющегося кластера культуры, из образовательного пространства, но и из широкой социальной сферы вообще. Возрастающий силовой и директивный контроль над традиционной сферой жизни обывателя, его информационной активностью, умножает агрессивный потенциал последнего и становится чреват персональным бунтом человека: духовного по своей подлинной природе существа, лишённого всех возможностей «духовного производства».

Категория «духовность» с некоторого времени симптоматично стала маркером пошлости в разлагающемся семантическом поле российской ментальности, исключая моральные основания: сам конфликт в нём, фабрикуется и исполняется, он не

«оздоравливает», не разрешает противоречия. Аналогично мы не можем говорить о психическом и генетическом здоровье новых, вступающих в жизнь поколений. Мейнстрим нейропсихологических исследований в контексте «теории поколений» не отменяет, начиная с миллениума, тревожащего факта массовой когнитивной ювенальной деградации. Для этих возрастных когорт, что нонсенс в антропологической культуре, вопрос о природе зла, истоках имманентной агрессии, уже не разрешается в этической плоскости: невежество для них статистическая норма. Конфликтность для них становится естественной направленностью индивидуальной воли, лишённой основ сознания и подчиненной на порядок превосходящей воле масс – энтропийных энергоинформационных характеристик «цивилизации потребления». Качественные характеристики приходящих социальных поколений значительно уступают количественным, как видим, сегодня этические начала перестают быть органичными в человеке-функционале, тогда как его порочность становится просто механистичной, а теперь ещё и «виртуальной». В конечном счете, антропологическая эволюция завершается: в обоюдной агрессии все мы потребляем колоссальную психическую энергию друг друга как не возобновляемый ресурс, так и не состоявшегося ментального строительства – у «берущих от жизни всё» проекции будущего, его позитивного «образа» нет. Заблуждение думать, что чем примитивнее, тем агрессивнее социальная среда, сложноорганизованный общественный организм инволюционного качества, словно генератор перманентного конфликта, делается всё опаснее своей деструктивной продуманностью и изощрённостью.

В попытках разрешения вопроса насилия, трансформации любого конфликта в конструктивный посыл, мы не можем навязать только логический способ мышления для конкретной социокультурной реальности. Интеллектуальные возможности нашей аргументации и пугающие своей безупречностью алгоритмы искусственного интеллекта лишь множат опасность безумия «механического» хаоса, усугубляют социальный невроз «восстанием» не только масс, но и машин. Вопрос о границах безумия современного мира актуализируют тезис о необходимости и роли границ вообще, причём в контексте теории конфликтов он поднимает метафизику синтоистских «торий», врат в пустоте, отграничивающих священное пространство [9]. Здесь важно понять, что именно свобода, и, в сущности, любовь к ближнему, предполагающая взаимное достоинство, простирает границы, но их суть меняется. В состоянии любви, а не конфликта отграничивание потенциально объединяет два равно важных субъекта, ведь граница проходит между тем, что находится вблизи друг от друга. Следует обозначать и границы личности, личное пространство, и границы культур в процессе межкультурного влияния. Границы удерживают целостным и ядро личностных принципов, и эталоны культурной традиции – это границы в единой иерархии любых аксиологических смыслов.

В ином случае тотальный релятивизм провоцирует экстерииоризацию, расширение квази-культуры «всеобщего понимания» самых примитивных оснований и потребностей, которое хуже непонимания в принципе: недопонимание мудрецов безопаснее полного понимания невежд. Транспарентность невежества не уменьшает накала социальной агрессии: смешивание разнополярных приоритетов влечёт стремление изолировать

важнейшие символы личностного и социокультурного бытия, но в изоляции и человек, и социальный организм гибнет.

Выходом из круговорота агрессии, из сансары конфликтности, видится только формирование иной, гармонизирующей своё ментальное пространство, среды социального существования. Она начинается с роста числа дискретных кластеров трансляции принципиально иных качеств мироощущения и миропонимания человека, акцентирующих его совесть и сознание, возможность этикосообразующих параметров общественного взаимодействия. Первичным маркером такого взаимодействия является категория благородства, сила утверждения, а не противопоставления нравственных оснований человеческого бытия, таких же очевидных, как и безнравственные, стремление оберечь себя и близких от паталогической эстетики хаоса. Тренд неопределённости, непонимание происходящего констатирует лишь неразвитость современного человеческого сознания, слабость нашей нравственной воли. В индивидуальной повестке каждого речь идет о любви к человеку, о позволении ему раскрыть свой внутренний мир, самому обнаружить и распознать в себе способность к добру. В глобальной социокультурной повестке это иной, гармонизирующий окружающее пространство, уровень генетических качеств ментальности, формирующий новую, этически акцентированную среду существования. По историческим меркам он формируется «вдруг», переходом количества в качество: новой экзистенциальной среды не будет, пока не будет физического присутствия в этом мире поколения или плеяды «иных», духовно чутких, отмеряющих очередное «осевое время».

Хрестоматийный пример взлёта культуры Эллады после «темных веков», Ренессанс и «Век гениев», сменившие самые одиозные столетия Средневековья, это лишь примеры прихода новых ценностей новых поколений. Имеющийся, если говорить о сегодняшнем дне, накопленный потенциал мировой культуры – прежде всего, традиция духовного преображения сознания – не устарел, он лишь больше не может быть понят и воспринят в полном объёме в силу преобладания дегенеративных качеств наличествующих поколений: социальные конфликты, порождаемые им, тупиковы, они не становятся инструментом эволюции, позитивным обновлением антропогенеза. В контексте антропо-, культуро- и социогенеза важно прийти к заключению, что уникальный, наделённый эволюционирующим разумом «человеческим мир», это именно мир человека, а не человекоподобных. Реальность до-человеческой природы разума хорошо исследована, в том числе в конфликтологии, возможность его над-человеческой природы активно исследуется. Наличие антропосферы делается из «состояния человека», поэтому, каким бы не был «новый мир», он должен делаться из «состояния Христа», «состояния Будды», «состояния Мухаммеда», но не из состояния конфликта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аммон Г. Динамическая психиатрия в ракурсах времен. – М. : ИД Городец, 2019. – 568 с.
2. Бандура А. Теория социального научения. – СПб. : Евразия, 2000. – 320 с.
3. Берковец Л. Агрессия: причины, последствия и контроль. – СПб. : Прайм-ЕВРОЗНАК, 2007. – 510 с.

4. Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы. – М. : РОССПЭН, 2002. – 284 с.
5. Зиммель Г. Социальная дифференциация: социальные и психологические исследования. – Киев, Харьков :Южно-Русское книгоиздательство Ф. А. Иогансона, 1898. – 223 с.
6. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. – М. : АСТ Серия: Philosophy 2007. – 624 с.
7. Bateson G. The Group Dynamics of Schizophrenia // Chronic Schizophrenia: Explorations in Theory and Treatment. – Osawatomie, KS., 1960. – pp. 90–105.
8. Buss A. The psychology of aggression.– New York, 1961. – 330 p.
9. Picken D. B.Essentials of Shinto : an analytical guide to principal teachings. – Westport, 1994. – 436 p.